

УДК 316.323.72+316.347(4/5)

КИТАЙ В ТЕОРИИ Ж. ГОБИНО*Д.Е. Мартынов***Аннотация**

В статье исследуется место китайской цивилизации в расовой теории Ж. Гобино, претендовавшей на объяснение глобального хода человеческой истории. При всей умозрительности идей Гобино он предвосхитил ряд положений современной синологии, в частности указал на южный, а не северный генезис ранней китайской цивилизации, использовал термин *феодализм* для описания социально-политических структур доимперского Китая, а также противопоставил аристократическую Европу и эгалитарный Восток. Кроме того, задолго до работ М. Вебера Гобино связал кальвинистский и конфуцианский подходы к экономической рациональности, хотя и не дал им сколько-нибудь пространного истолкования.

Ключевые слова: Китай, Европа, Центральная Азия, социализм, эгалитаризм, элитизм, аристократизм, иерархия, социология, расовая теория.

Граф Жозеф-Артюр де Гобино (1816–1882)¹ хорошо известен как самый яркий расовый теоретик XIX в., предтеча учений, взятых впоследствии на вооружение национал-социалистами. Однако в контексте общественной мысли XIX столетия его роль была совершенно иной, поскольку Гобино в первую очередь пытался дать объяснение глобальному историческому процессу, хотя испытывал презрение к колониально-империалистической системе. Естественно, в своих размышлениях он не мог обойти стороной Китай, тем более что именно в творениях французских просветителей (особенно Вольтера) предшествующего XVIII в. Срединное государство было неким недостижимым образцом просвещённого абсолютизма. Напротив, век девятнадцатый стал «веком синофобии», особенно после торжества идеи прогресса, когда вольтерьянское восхищение рационализмом Конфуция сменилось гегельянским презрением к его «примитивности». Эти настроения усилились после серии «Опиумных» войн (1839–1860 гг.) и почти без изменений господствовали до середины XX в.

¹ Происходил из захиревшего дворянского рода, в 1835–1849 гг. работал в почтовом ведомстве и газовой компании, параллельно активно занимаясь литературой и журналистикой. Занятия последней привлекли внимание министра иностранных дел А. де Токвиля (1805–1859), который сделал Гобино своим секретарём. С 1854 г. состоял на дипломатической службе в различных германских государствах, а также в Иране, Греции и Бразилии, стал личным другом императора Педро II, сопровождая его в путешествиях. Себя считал прежде всего литератором, продолжателем традиций Стендаля и П. Мериме. Так и не добившись ранга посла, в 1877 г. ушёл в отставку. Его литературные увлечения также не находили признания у современников. Сблизившись в 70-е годы с Р. Вагнером, Гобино обеспечил известность своей расовой теории в Германии, а в 1894 г. Л. Шеман основал «Общество Гобино». Тем не менее в Третьем Рейхе он не вошёл в число «народных мыслителей» из-за своего пессимизма и космополитизма.

Ж. Гобино заинтересовался Китаем во время работы над «Опытом о неравенстве человеческих рас» (*Essai sur l'inégalité des races humaines*, 1853–1855). Следует отметить, что он стал одним из первых французских интеллектуалов XIX в., кто решительно обратился к немецкой академической культуре; практически все авторы, которых он цитировал в своих трудах по востоковедению, – немецкие [1, р. 99]. Пережитый им опыт Ирана (во время работы секретарём посольства в 1854–1858 гг.) как своего рода «анти-Европы» наложил отпечаток на его взгляды, отрицающие прогресс и современность, что отразилось и на написанном тогда же «Опыте». В 1859 г. его кандидатура рассматривалась при назначении первого официального посла Франции в Цинскую империю, но он отклонил это предложение, поскольку в дипломатической иерархии того времени оно было равносильно изгнанию [1, р. 196]².

«Опыт о неравенстве...» [2], который сам автор рассматривал как лучшую свою работу, был задуман и написан после революции 1848 г. Революционные потрясения развеяли в молодом аристократе последние иллюзии просвещенческого оптимизма и породили глубокое презрение к демократии и либерализму. По свидетельству биографа Гобино, М. Биддиса, он впервые обнародовал свою расовую теорию как раз в 1848 г. в эпической поэме «Манфредина», опубликованной практически одновременно с «Манифестом Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [1, р. 64–65].

Понятие *раса*, используемое в «Опыте», практически аналогично понятию *этнос* и характерно для историографии европейского романтизма. В глобальном масштабе термин *раса* стал использовать А. Гумбольдт, первый том «Космоса» которого вышел в свет в 1845 г. В целом для историографии того времени стандартным было описание социальных и политических конфликтов между завоевателями и завоеванными «расами», будь то противостояние норманнов и англосаксов у В. Скотта (считавшего себя в первую очередь историком), франков и галло-римлян у О. Тъери и т. д. [3, р. 289–292]³. Таким образом, собственно расовая теория не была инновацией Гобино – принципиально новым было представление о смешении рас как о принципе подъёма и упадка мировых цивилизаций, а также о роли «вырождения» в этом процессе.

В вопросе о происхождении человечества Гобино формально принимал моногенетическую позицию, более всего напоминающую взгляды И. Гердера. Вероятно, это была уступка католической церкви, которую Гобино рассматривал как оплот социального порядка. Фактически же его взгляды сочетали элементы моно- и полигенетической теорий: потомки Адама неясным путём сменились представителями трёх вторичных рас: чёрной, жёлтой и белой, каждой из которых свойственен набор ни у кого более не встречающихся черт [2, с. 138–142]. Дифференцирование рас он описывал в соответствии с теорией Ж. Кювье, связывая его со стадиями геологического формирования Земли. Таким образом, неравномерность охлаждения разных областей земного шара привела к фиксации основных особенностей анатомии, физиологии и психоло-

² Так описал ситуацию сам Гобино в письме своему учителю А. де Токвиллю, и точно так же он оценил своё назначение в Бразилию.

³ Иную точку зрения демонстрировал А.Б. Гофман [4, с. 130].

гии у представителей рас. Эти базовые характеристики остаются неизменными даже при переселении расы в другой регион [2, с. 134–137].

Из вторичных рас Гобино рассматривал белую как элитарную, генезис которой продолжался недолго, в то время как чёрная и жёлтая пребывали в диком состоянии [2, с. 141]. Все его суждения относительно вторичных и третичных рас относятся к глубокой древности, поскольку ко времени его собственной жизни все расы оказались необратимо перемешанными.

Меланийскую (чёрную) расу Гобино помещает на самую низшую ступень иерархии. Её характер он определяет как животный: «Ей никогда не суждено выйти за пределы самого узкого по интеллекту круга» [2, с. 194]. Незрелость интеллекта компенсируется мощным волевым импульсом и необузданностью, а также развитием чувств вкуса и обоняния, неведомым ни жёлтой, ни белой расам.

Жёлтая раса, по Гобино, представляет собою «антитезу» чёрной. Его рассуждения на эту тему настолько характерны, что следует привести обширную цитату: «Кроме того, можно отметить слабую физическую конституцию и предрасположенность к апатии. В моральном отношении жёлтая раса не имеет тех безрассудств, которые отличают меланийцев. Здесь обнаруживаются слабо выраженные желания, воля, скорее граничащая с упрямством, нежели с безрассудством, устойчивое, но спокойное стремление к материальным удовольствиям, тенденция к обжорству, но больше разборчивости в пище, чем у негров. Во всех делах – приверженность к посредственности, чёткое понимание всего, что не является слишком возвышенным или глубоким; любовь ко всему полезному, уважение к порядку, осознание преимуществ, которые даёт определённая доза свободы. Желтокожие очень практичны, в узком смысле этого слова. Они не предаются мечтаньям, не склонны к теоретическим рассуждениям, неизобретательны, но способны оценить и принять всё утилитарное. Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. Очевидно, что они стоят выше негров. Наверное, любой цивилизатор охотно избрал бы такой народ в качестве основы своего общества...» [2, с. 194–195].

Соответственно, и китайский язык признаётся очень древним, но созданным исключительно в утилитарных целях. «Слово в нём не поднималось над смыслом и осталось односложным. Лексика почти не развита. Отсутствует корень, который обычно порождает целые группы производных. Все слова являются корнями, они изменяются не посредством самих себя, но между собой, причём весьма грубым способом последовательного сочетания. Язык отличается грамматической простотой, отсюда исключительное однообразие речи, что странно для ума, привыкшего к богатым, разнообразным и многочисленным формам, к метким сочетаниям в наречиях и к самой идее эстетического совершенствования. Однако надо добавить, что сами китайцы вряд ли согласятся с вышесказанным...» [2, с. 173–174].

Из своей расовой теории Гобино выводил теорию цивилизаций, которых насчитывал десять. Все они были обязаны своим возникновением «арийскому элементу», который зародился в Центральной Азии и Сибири и, постепенно смешиваясь с остальными расами, привёл к созданию цивилизации. Взгляды Гобино весьма причудливы: например, он заявил, что древнеегипетская цивилизация была создана арийской колонией из Индии, которая возникла в верхнем

течении Нила. Китайская цивилизация в классификации Гобино шла под № 5 и была аналогична египетской по обстоятельствам возникновения: начатки социального мышления привнесла жёлтой расе колония арийцев из Индии [2, с. 200–201].

Такие суждения общего плана содержатся в первой книге «Опыта о неравенстве человеческих рас». Подробная аргументация представлена в третьей книге, в которой находим ещё более сильные эпитеты, вплоть до того, что своей гротескностью и уродством китайцы обязаны тем, что «Создатель ограничился черновым наброском» [2, с. 363].

В плане интеллектуального развития Гобино делил расы на «мужские» и «женские», причём если меланийская раса относилась к «женскому» типу, то монголоидная – к «мужскому», что противоречило взглядам, распространённым в антропологии того времени. Однако Гобино, как обычно, вкладывал в используемые понятия свой смысл, в результате оказывалось, что жёлтой расе свойственно «абсолютное отсутствие воображения, общая тенденция к удовлетворению естественных потребностей, упорство и последовательность в отношении повседневных дел, определённый инстинкт личной свободы... слабая активность, отсутствие любознательности и страсти к украшениям, столь характерной для негров» [2, с. 364]. При этом ограниченность и отсутствие воображения делают представителей жёлтой расы весьма социальными [2, с. 364].

Самая примечательная особенность взглядов Гобино на монголоидную расу – полная противоположность их всем теориям антропо- и культурогенеза как того времени, так и нашей современности. Он заявил, что монголоиды зародились и развивались на Американском континенте, переселились на север Евразии и далее начали расселение в юго-западном направлении⁴. В результате оказывалось, что неполноценная жёлтая раса победила и вытеснила белые финские народы – коренных обитателей северной Евразии и Дальнего Востока. Гобино делал ещё более оригинальные выводы, граничащие с вульгарным расизмом: он предположил, что описанные в индийском эпосе «Рамаяна» обезьяньи полчища не что иное, как монголоидные армии, используемые Рамой для покорения чёрных народов южной Индии [2, с. 365].

Переходя к описанию Китая в теории Гобино, следует сначала остановиться на источниках его представлений об этой стране и цивилизации. Как мы уже имели возможность убедиться, взгляды его были весьма запутанными. Не будучи профессиональным синологом, Гобино полностью зависел от положения дел в современной ему синологической науке, при этом он зачастую искажал доступные ему сведения и теории. По ссылочному аппарату «Опыта» и последующих статей и книг Гобино можно реконструировать его главные источники. Среди учёных, на авторитет которых он полагался, – иезуитские миссионеры XVIII в. Гобиль и Премар, известный синолог-миссионер Э. Хюк⁵, британский дипломат Ф. Дэвис, основатель германской синологии К. Нейман. Он использовал и китайские первоисточники: конфуцианский канон *Чжоу ли* и энциклопедию

⁴ Отсюда и его теория возникновения трёх доколумбовых цивилизаций Америки, изложенная в книге «История Оттара-ярла» (1879). Так называемым арийским элементом, который привёл к созданию цивилизации, были немногочисленные группы викингов.

⁵ Эварист Регис Хюк (1813–1860) – французский востоковед, китаевед и тибетолог, миссионер ордена лазаристов. Одним из первых европейцев добрался до Тибета (жил там в 1844–1846 гг.) и составил его описание не по китайским источникам, а на основе личных наблюдений. С ним Гобино был знаком лично.

китайского учёного XIII в. Ма Дуань-линя в переводе Э. Био. Известны ему и обобщающие труды А. Гумбольдта, В. фон Шлегеля и Ю. Моля – президента парижского Азиатского общества в 1850-е гг. [5, p. 104].

Гобино отказывался признавать глубокую древность китайской цивилизации, а равно и достоверность письменных источников, которые были созданы до III в. до н. э. [2, с. 369–370]. Однако, сопоставив миф о первочеловеке Пань-гу с данными индийской мифологии, он в результате посчитал его доказательством цивилизующей роли индийских арийцев по отношению к «потомкам обезьян» – племенам мяо, населявшим древнейший Китай [2, с. 371–372]. Это цивилизованное, осуществляемое воинами-кшатриями, восставшими против брахманов, Гобино относил к XXX – XXVIII вв. до н. э. Таким образом, центром возникновения китайской цивилизации был юг, а не север⁶, а ненависть восставших кшатриев к брахманической системе определила социальный, а не религиозный характер китайской цивилизации, диктуемый «мужским» типом кшатрийского мышления [2, с. 373–376].

Во время жизни Гобино Китай служил для европейских мыслителей эталонным патриархальным обществом и идеологией. Для Гобино, отрицающего ценности либерализма и социализма, патриархат был моделью древнейшего арийского общественного строя, соответственно, он считал его зримым доказательством культурной деятельности арийцев среди низших рас. «У китайцев очень прозаическая натура, чрезмерность ужасает их, поэтому несправедливый монарх немедленно теряет авторитет и уважение. В этой стране принципом правления был патриархат, поскольку цивилизаторами были арийцы, которые жили среди низших народов, но на практике абсолютизм властителя не проявлялся ни в сверхчеловеческой гордыне, ни в отталкивающем деспотизме и был ограничен узкими рамками в силу того, что малайская природа не провоцировала эксцессов, а арийский дух, смешиваясь с ней, находил средю, осознающую, что спасение государства есть соблюдение законов на всех уровнях населения.

Итак, власть в Срединной Империи организовалась. Царь – отец подданных; он имеет право на их абсолютное подчинение и служит для них проводником божественной воли, поэтому приближаться к нему можно лишь на коленях. Теоретически он может всё, чего захочет, но в действительности возможности его не безграничны. <...>

Китайские историки много пишут о том, что абсолютная власть императоров была ограничена общественным мнением и нравами, о том, что тирания в Китае никогда не пользовалась уважением, потому что природа подданных не была к ней приспособлена. <...>

Следовательно, власть его ограничена, и нет нужды объяснять, что в такой империи принципы власти в основном никогда не менялись. Самое святое – традиция, и тирания усматривается даже в отходе императора от обычаев предков. Короче говоря, сыну Неба позволено всё, за исключением посягательства на освящённые традиции» [2, с. 378–379].

⁶ Характерно, что чуть ранее Гобино, рассуждая об ущербности китайской историографии, повторяет традиционные сведения относительно того, что колыбелью китайской цивилизации является долина Хуанхэ [2, с. 370]. В современной синологии принята теория многосоставности древнекитайской цивилизации, выделяются как минимум три основных центра её формирования.

Столь обширное цитирование настоятельно необходимо для иллюстрации метода Гобино: он выписывает «портрет» цивилизации, основываясь на традиционной историографии коренных народов и западных обобщающих трудах, при этом пытаясь объяснять детали (зачастую никогда не существовавшие в действительности) с позиции умозрительной расовой теории. Китайская раса, с его точки зрения, была синтезом всех трёх вторичных рас, в результате теория оказывалась достаточно гибкой, чтобы объяснить все «странности» Дальнего Востока, которые постоянно приводили к неработоспособности западных обобщающих теорий. Вместе с тем изначально умозрительная конструкция сама по себе порождала несоответствия, которые приходилось преодолевать.

В первую очередь это касается идеи свободы. Приняв за аксиому, что китайскую цивилизацию создали кшатрии, восставшие против брахманов, Гобино заявил, что «они не захотели признать различие рангов или наличие “чистых” или “нечистых” по рождению. Доктрину своих идейных противников они заменили абсолютным равенством» [2, с. 375]. Однако, будучи арийцами, кшатрии были не в состоянии уйти от глубинной идеи неравенства рас, поэтому они изобрели теорию, что отцов облагораживают их дети, – так появился культ предков, чуждый китайскому духу, идею которого сами китайцы считают абсурдной [2, с. 375]. Нет нужды говорить о том, что эти рассуждения совершенно не соотносились с действительным статусом культа предков в китайской культуре.

Не менее оригинально выглядит соотношение теории Гобино с фактологией китайской истории. Арийское завоевание он относил к китайской праистории – периоду, предшествующему созданию династической преемственности. Вместе с тем он оказался предтечей того направления современной историографии, которое характеризует общественно-экономический строй доимперского Китая как феодальный. Гобино описывал генезис этой системы так: для раннего периода характерна «фрагментарность власти», расплывчатая по многим княжествам, что соотносится с древнейшей историей Египта и Индии и приводит к заключению, что арийцы не приемлют унификации [2, с. 383]. Данное явление он называл феодализмом, и, по-видимому, то была первая попытка охарактеризовать таким образом строй архаического Китая. Идея тождества общественной системы древнейшего Китая и европейского феодализма восторжествует в историографии только в первой трети XX в. благодаря работам китайского философа Ху Ши (1891–1962). Прочие методологические подходы, принятые в современной историографии, подробно рассмотрены в статье М.Е. Кравцовой [6].

Таким образом, реформы Цинь Ши-хуанди и создание имперского механизма для Гобино означают утрату всякого наследия белой расы, и торжество расы жёлтой. События III в. до н. э. в Китае он даже сравнивал с начальным этапом Великой Французской революции [2, с. 384].

Взгляды Гобино на особенности духовной культуры китайской цивилизации более традиционны для историографии его времени. «...Жёлтые народы с каждым днём завоёвывали новые позиции и, осознавая полезность установленного порядка вещей, охотно принимали материальное благополучие как залог спокойствия. Философские и религиозные воззрения, постоянные источники пожара в любом государстве, всегда были бессильны перед апатичностью народа, который имел рис для пропитания и хлопок для одежды и не помышлял о сопротивлении

властям во имя некоей абстракции» [2, с. 379–380]⁷. Китайскую религию Гобино также рассматривал с декларированной позиции грубого материализма китайцев и отсутствия у них воображения. «Китайское правительство позволяло проповедовать всё, высказывать самые абсурдные вещи при условии, что ни одно новшество не приведёт к социальным следствиям. Как только возникала угроза порядку, администрация действовала беспощадно и подавляла потенциальную опасность с неслыханной жестокостью» [2, с. 380]. Тем не менее уровень материальной цивилизации Китая Гобино признаёт наивысшим во всей мировой истории, превосходящим даже Римскую империю и современную ему Европу [2, с. 381].

Однако экзотичность взглядов Гобино проявилась и здесь: основателей конфуцианства (включая Мэн-цзы) он провозглашал ненавистниками феодализма и апологетами централизованной императорской власти [2, с. 384]. При этом современную ему неоконфуцианскую доктрину он неожиданно сравнивает с «заповедями женеvских моралистов, считающих высшим благом экономию, воздержанность, осторожность, умение зарабатывать» [2, с. 381]. Эта формулировка может быть истолкована двояко. С точки зрения самого Гобино, она подчёркивает низший характер китайской цивилизации, поскольку сам он испытывал к швейцарской буржуазной демократии неприкрытое отвращение ещё со времени дипломатической службы в этой стране [5, р. 110]. Однако есть и иной аспект: за 50 лет до М. Вебера Гобино связал кальвинистский и конфуцианский подходы к экономической рациональности, пусть и не дав им сколько-нибудь пространного истолкования.

Прочие аспекты китайской цивилизации Гобино также выводил из своей расовой теории. Так, знаменитые китайские церемонии не имеют ничего общего «с благородным почтением свободного человека к людям, равным ему, со сдержанным уважением к тем, кто выше по положению, и со снисходительной любовью к низшим. В данном случае мы видим чрезмерный эгоизм, который выражается в пресмыкательстве перед высшими, в нелепых церемониях в отношении с равными и в надменном презрении к низшим. Таким образом, вежливость в Китае – чисто формальная процедура, служащая для того, чтобы каждому указать его место, а не проявить искреннее чувство. Повседневные церемонии установлены в законодательном порядке» [2, с. 381].

Давая характеристику китайской литературе, Гобино фактически повторял суждения И. Гердера. Хотя он высоко отзывается о степени грамотности китайцев (сильно её преувеличивая), но тут же отмечает, что именно литература является «мощным инструментом застойности», и делает ремарку, что в Китае «любовь к посредственному возведена в принцип» [2, с. 381–382]. Следует за Гердером он и в описании беллетристики: «В области изящной словесности в почёте буриме и изящные безделушки. Элегии бессодержательны, описания природы скорее скрупулёзны, чем живописны. Ценностью обладает только роман⁸. Китайцы лишены воображения, но сильны в наблюдательности и изяществе

⁷ Далее следует ссылка на совершенно фантастический анализ иероглифов *счастье* и *власть*, сделанный Шлёгелем.

⁸ Следует заметить, что во времена Гобино четыре классических китайских романа («Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме») не были переведены ни на один европейский язык, а переведённые произведения (например, “*Iu-kiao-li, ou les deux cousins*”) были не самыми популярными в Китае.

выражения. На этом прерывается полёт китайской музыки. Драматургия плоска и посредственна, а поэзия парит в облаках среди разноцветных драконов, не имея сил подняться выше» [2, с. 382] (ср. [7, с. 294–295]).

То же касается философии и изобразительных искусств. Повторяя Гегеля, он писал, что «философия моральная... состоит из избитых максим дидактического свойства» [2, с. 382] (ср. [8, с. 163]). «В сфере искусств мы видим ещё меньше предметов для восхищения. Можно отметить точность воспроизведения цветов и растений, что высоко ценится в Европе. Есть прекрасные портретные произведения, где схвачен характер человека, которые превосходят наши плоские дагерротипные шедевры. Вот, пожалуй, и всё. Большие живописные полотна вызывают странное ощущение, в них отсутствуют гений, энергия, вкус. Скульптура ограничивается банальными и чудовищными изображениями. В архитектуре отдаётся предпочтение восьмирядным пагодам, которые, кстати, не совсем являются местным изобретением и несут на себе черты индийского влияния; правда, они отличаются богатством деталей, и если при первом взгляде они могут произвести впечатление своей новизной, то затем они отталкивают эксцентричной монотонностью» [2, с. 382]⁹.

О естественных науках Гобино высказывается более уважительно, но замечает, что достоинства китайской наблюдательности, точности и терпения сводятся на нет отсутствием теоретической науки [2, с. 382]¹⁰. Примечательна «шпилька» в адрес историографии Китая: «...китайцы сами признают, что поручают составлять и упорядочивать свои хроники миссионерам-иезуитам» [2, с. 382].

Завершается глава о Китае сюжетом, который выглядит весьма актуально в контексте распространения так называемой альтернативной истории. Гобино пытается смоделировать теорию арийского захвата Китая на современном ему материале. Он упоминает план первого генерал-губернатора Британской Индии лорда Р. Клайва (1725–1774), полагавшего, что достаточно 30-тысячной британской армии, чтобы покорить всю Среднюю империю. По индийскому образцу войска должны были составлять гарнизоны в важнейших городах и портах, чтобы обеспечить повиновение населения, свободный обмен товаров и сбор налогов. Но, по мнению Гобино, «такая ситуация не могла бы продолжаться долго. 30 тысяч – слишком мало, чтобы господствовать над тремя сотнями миллионов, составляющими однородную массу в смысле чувств, инстинктов, потребностей.

Даже при многократном увеличении армии, она оставалась бы в изоляции и в конце концов была бы вынуждена уйти. А теперь представим другое: лорд Клайв отрекается от британской короны и желает царствовать сам, как император Китая, над покорным его мечу населением. В этом случае дело могло бы обернуться иным образом» [2, с. 388]. Однако в конце концов побеждает пессимизм: Гобино считает, что даже «серьёзные изменения в китайской крови»

⁹ Поразительное совпадение в формулировках с Н.В. Гоголем: «Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занёсся к нам в конце XVIII столетия. <...> Этот вкус точно был недурён в безделках, потому что европейцы его тотчас усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой он сам в себе не имеет, так же как и его народ не имеет энергии, несмотря на всю свою образованность» [9, с. 55].

¹⁰ Спустя 100 лет Дж. Нидэм положил тот же тезис в формулировку основного вопроса китайской науки: почему при высокоразвитой технологии и мощной эмпирической базе традиционная цивилизация Китая не создала теоретической науки?

не могут быть основой цивилизации европейского типа, а чтобы европеизировать Китай, недостаточно сил «всех цивилизованных народов, собранных вместе». Ещё в 1850-е гг. Гобино предсказывал, что Китай можно подчинить, но не удастся переделать [2, с. 389], ему предстоит двигаться до конца по предначертанному пути [2, с. 390].

В теории Гобино было множество других оригинальных посылок. Китай для него был «демократической монархией», в которой мандарины (чиновники)¹¹ ограничивали пределы императорской власти, а система экзаменов позволяла любому простолюдину занять высочайшее положение в обществе. Иными словами, «посредственность» китайской культуры (в частности, литературы) сочетается с масштабами образования, недоступного современной ему Европе. Подчёркивание сосуществования демократии и деспотизма в Китае не было нарочитым парадоксализмом Гобино, поскольку основывалось на политической теории Аристотеля, а также демонстрировало явное влияние его учителя Токвиля. Последний в своей книге «Демократия в Америке» поместил главы с характерными названиями: «Почему демократические народы с большим пылом и постоянством любят равенство, чем свободу» и «Какого деспотизма следует опасаться демократическим народам» [10, с. 371–373; 495–499]. Токвиль полагал, что стремление к равенству подрывает стремление к совершенствованию.

Таким образом, Гобино находился в одном шаге от признания китайской цивилизации социалистической в своей основе. Скорее всего, он был знаком с председательской речью Ю. Моля в Азиатском обществе в конце 1851 г., в которой китайское устройство прямо называлось формой социализма¹². В том же году другой знакомый Гобино – Э. Хюк – выпустил в свет весьма популярный труд «Китайская империя», в котором охарактеризовал реформы Ван Ань-ши (1021–1086) как социалистические [5, р. 113]. Таким образом, для Гобино социализм и эгалитаризм были совпадающими понятиями, полностью применимыми к китайскому обществу.

Как относились к теориям Гобино на Дальнем Востоке? С расовыми теориями как таковыми в Китае познакомились очень поздно через посредничество английской литературы, главным образом трудов Г. Спенсера, пропаганду которых начал в 1890-е гг. выдающийся переводчик Янь Фу (1854–1921). В апреле 1898 г. он впервые в Китае опубликовал статью, посвящённую расовой проблеме. Её содержание основывалось на логике социал-дарвинизма, горячим приверженцем которого он был. Именно Янь Фу привил китайскому интеллектуальному пространству классификационную иерархическую модель пяти рас (белой, жёлтой, красной, коричневой и чёрной), в которой китайцы в эволюционном отношении уступали белым, препятствующим своей колониальной политикой дальнейшему развитию жёлтой расы. Лидер китайской революции Сунь Ят-сен (1866–1925), будучи медиком по образованию, напротив, стремился доказать эволюционное превосходство жёлтой расы над белой, но при этом основывался на английской литературе.

¹¹ Португальский термин позднего средневековья, происходящий, вероятно, от санскритского «управлять» (*mantri*). Вошёл во все европейские языки, в том числе и русский.

¹² Аналогичные тезисы выдвигались в отечественной историографии вплоть до 1990-х гг. [11, с. 97–126].

Намёки на знакомство с творчеством Гобино можно найти только в трудах основоположника китайского либерализма Лян Ци-чао (1873–1929). В специальной работе Ф. Дикоттера описано, что Лян Ци-чао на рубеже XIX – XX вв., пытался объяснить логику международных отношений антагонизмом семитских, хамитских и яфетических народов, относящихся к белой расе [12, р. 74]. Однако Дикоттер крайне осторожен в вопросе, было ли это влияние Гобино, и предположил, что, скорее всего, имело место недоразумение, связанное со слабым знакомством Ляна с западным полигенетизмом. Если о существовании Гобино и было известно в Китае, то влияние его трудов было опосредованным и крайне слабым, несопоставимым с «вкладом» в западную расологию и теорию «жёлтой угрозы». Однако этим вопросам следует посвятить отдельную работу.

Восток в жизни и творчестве Ж. Гобино

- 1816 г., 14 июля.** – Родился в Виль д’Авре (регион Иль-де-Франс, Франция).
- 1830 г.** – Начало обучения в гимназии Биля (Швейцария, департамент Берн), где он овладел немецким языком и заинтересовался персидским.
- 1833–1835 гг.** – Обучение в королевском коллеже в Лорьяне (Бретань), дальнейшее изучение персидского языка, попытки перевода поэзии Фирдоуси.
- 1836–1839 гг.** – Работа журналистом, обучение в Школе восточных языков у профессора Кватремера; перевод «Истории монголов» Я.И. Шмидта на французский язык. Публикация в журнале «Франция и Европа» материалов об интеллектуальной жизни Ирана, статьи о творчестве Руми, Хафиза, Саади и Джами.
- 1843 г.** – Знакомство с А. де Токвилем, начало дружбы и переписки, продолжавшейся до кончины последнего в 1859 г.
- 1848–1849 гг.** – Является основателем и редактором монархического журнала «Провинциальное обозрение»; публикация поэмы «Амандина», в которой впервые изложены основы его расовой теории.
- 1849 г.** – Токвиль назначен министром иностранных дел, с его помощью Гобино принимают на дипломатическую службу. Назначен секретарём посольства Франции в Швейцарии. Начало работы над «Опытом о неравенстве человеческих рас».
- 1853 г.** – Вышел в свет первый том «Опыта о неравенстве человеческих рас».
- 1854 г., декабрь.** – Назначен секретарём французской дипломатической миссии в Иране.
- 1855 г.** – Публикация второго тома «Опыта о неравенстве человеческих рас».
- 1855–1858 гг.** – Пребывание в Иране. Работа над дешифровкой древнеперсидской клинописи; исследования нового религиозного движения бабидов.
- 1859 г.** – Возвратился в Европу, отклонил предложение возглавить дипломатическую миссию в Пекине.
- 1861 г.** – Поездка в Иран в качестве французского посла.
- 1864–1868 гг.** – Активно занимается литературой и публицистикой, пишет «Историю Ирана».
- 1876 г.** – В Риме знакомится с Р. Вагнером. Частичная публикация апокалиптической поэмы «Амадис».
- 1882 г.** – Неожиданный отъезд в Турин, где скончался 13 октября.
- 1884 г.** – Второе французское издание «Опыта о неравенстве человеческих рас».
- 1887 г.** – Публикация полного текста «Амадиса», содержащего описание гибели белой расы в войне с жёлтой.
- 1898 г.** – Публикация немецкого перевода «Опыта о неравенстве человеческих рас».
- 1915 г.** – Публикация английского перевода «Опыта» (последнее переиздание в 1999 г.).
- 1983–1987 гг.** – Трёхтомное собрание сочинений Гобино опубликовано в престижной «Библиотеке Плеяды» (Париж, издательство «Галлимар»).
- 2000 г.** – Публикация русского перевода «Опыта о неравенстве человеческих рас».

Summary

D.E. Martynov. China in J. Gobineau's Theory.

This article examines the place of Chinese civilization in J. Gobineau's racial theory, which pretended to explain the global course of human history. With all his speculations, Gobineau anticipated a number of propositions of modern Sinology. In particular, he pointed out the southern (rather than northern) genesis of early Chinese civilization. Gobineau was the first to use the term *feudalism* for describing socio-political structures in Pre-Imperial China and to contradistinguish aristocratic Europe from the egalitarian East. Moreover, long before the works of Max Weber, Gobineau tied Calvinist and Confucian approaches to economic rationality, though did not give any extensive explanation of them.

Keywords: China, Europe, Central Asia, socialism, egalitarianism, elitism, aristocratism, hierarchy, sociology, race theory.

Литература

1. *Biddiss M.D.* Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. – 328 p.
2. *Гобино Ж.-А. де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. – М.: Одиссей, ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 765 с.
3. *Buenzod J.* La formation de la pensée de Gobineau et “l’Essai sur l’inégalité des races humaines”. – Paris: Librairie Nizet, 1967. – 668 p.
4. *Гофман А.Б.* Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) // Расы и народы. – 1977. – Вып. 7. – С. 128–142.
5. *Blue G.* Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity // J. World Hist. – 1999. – V. 10, No 1. – P. 93–139.
6. *Кравцова М.Е.* К проблеме Средневековья в Китае // Verbum. – 2010. – Вып. 12: Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. – С. 72–93.
7. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии: в 3 кн. – СПб.: Наука, 2001. – Кн. 1. – 349 с.
9. *Гоголь Н.В.* Об архитектуре нынешнего времени // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1959. – Т. 6: Избранные статьи и письма. – С. 40–61.
10. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. с франц. В.П. Олейника, Е.П. Орловой и др. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
11. *Тартаковский М.С.* Историческая философия. Мировая история как эксперимент и загадка. – М.: Прометей, 1993. – 336 с.
12. *Dikotter F.* The Discourse of Race in Modern China. – London: C. Hurst & Co. Pub., 1992. – 251 p.

Поступила в редакцию
15.01.14

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры стран Востока, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru